

А.В. Парибок

СВЕРХКРАТКИЕ ТЕЗИСЫ О ЯЗЫКОВЫХ АСПЕКТАХ ТЕОРИИ ЦИВИЛИЗАЦИОННО-СПЕЦИФИЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ*

Парибок Андрей Всеволодович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник центра исследования философии и культуры Индии «Пурушоттама». Российский университет дружбы народов. Российская Федерация, 117196, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; e-mail: watanparast@mail.ru

В статье изложены языковые обусловленности и корреляции четырех цивилизационно-специфичных типов рациональности: (1) Большой Запад (БЗ), наследник античной цивилизации (с подтипами; центр одного из подтипов – Россия); (2) Афро-Азиатская (АА) цивилизация, в нынешнем состоянии представленная многоязычным арабо-исламским миром (его своеобразие и фундаментальное отличие от западной рациональности открыто, а затем подробно разработано в трудах философа А.В. Смирнова по логико-смысловой теории) и более древним вариантом иудейской культуры; (3) Южноазиатская (ЮА) цивилизация, зародившаяся в центральной части северной Индии, определившая культуры Индокитая (кроме Вьетнама) и ранее Индонезии; (4) Дальневосточная (ДВ) цивилизация, сформировавшаяся в Китае и распространившаяся на сопредельные страны. Рассмотрены корреляции с типами развитой письменности с опорой на ярусы языкового устройства каждой из цивилизаций, а также результаты предельного семантико-онтологического перехода. Единственно родственная смежная теория – логико-смысловая теория А.В. Смирнова; некоторые ее результаты нашли свое применение в высказанных мыслях.

Ключевые слова: логико-смысловая теория Смирнова, санскрит, теория цивилизационно-специфичной рациональности Парибка, письменность, языковые ярусы, онтология

Для цитирования: *Парибок А.В.* Сверхкраткие тезисы о языковых аспектах теории цивилизационно-специфичной рациональности // Философский журнал / Philosophy Journal. 2023. Т. 16. № 2. С. 54–61.

* Публикация подготовлена в рамках Соглашения между Министерством Науки и Высшего образования РФ и Российского университета дружбы народов № 075-15-2021-603 по теме: «Разработка методологии и интеллектуальной базы нового поколения по изучению индийской философии в ее соотношении с другими ведущими философскими традициями Евразии». Ее публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.

Предуведомление

Нижеследующее изложение близится к функциональному стилю индийских сутр на санскрите и рассчитано на будущее подробное развертывание отдельных блоков в виде более доступных текстов.

Общие положения

Верхний самый общий уровень умственного устройства как индивидуума, так и их кооперации для любого рода деятельности и совместного цивилизованного бытования в культурном человечестве не един и не единственен. Имеется ровно четыре исторически сложившихся тысячи лет предельно взаимно отличных способов такого устройства – цивилизационно-специфичных рациональностей (ЦСР): (1) Большой Запад (БЗ), наследник античной цивилизации (с подтипами¹); (2) Афро-Азиатская (АА) цивилизация, в нынешнем состоянии представленная многолюдным арабо-исламским миром² и более древним вариантом иудейской культуры; (3) Южноазиатская (ЮА) цивилизация, зародившаяся в центральной части северной Индии и определившая культуры Индокитая (кроме Вьетнама) и ранее Индонезии; (4) Дальневосточная (ДВ) цивилизация, сформировавшаяся в Китае и распространившаяся на сопредельные страны. Ни одна из трех великих азиатских цивилизаций никогда не станет частью или периферией БЗ, если БЗ не окажется причиной сокращения большинства их населения или не запретит в этих странах трансляцию культуры, их классические языки (арабский, древнееврейский, санскрит, вэньянь), письменность и гуманитарное образование, что не осуществимо. Эти четыре типа выделяются по разным критериям, взаимную связность которых еще предстоит понять, однако их применение приводит к одному и тому же результату. Здесь я ограничился обсуждением аспектов, которые связаны с языком и речью. Есть и другие.

1. Критерий школы и письменности

Высокую культуру вырабатывает и транслирует элита. В древности, когда эти цивилизации определились, формировавшаяся на новых основаниях³ элита стала выделяться из прочего населения школьным образованием как чем-то отличным от простого втягивания подрастающего поколения во взрослую деятельность у всех прочих. В ту эпоху школа была по меньшей мере столь же элитарным социальным институтом, как в современности аспирантура. В любой школе первым основным предметом была письменность. Изобретение письменности привело к важнейшему категориальному результату: было создано средство превращать *события* устной речи в *вещи* письменной речи (тексты). Письмо – сложнейший навык, координирующий все три доступные человеку семиотические среды: слуховую, зрительную

¹ Центр одного из подтипов – Россия.

² Его своеобразие и фундаментальное отличие от западной рациональности открыто, а затем подробно разработано в трудах А.В. Смирнова по логико-смысловой теории.

³ То есть не на кровнородственных.

(писанный текст виден) и моторную (его написали и можно переписать)⁴. Сложный навык порождает умственную организацию, естественно обобщающуюся у грамотного на многие другие области его деятельности и приемы познания⁵. У человечества есть ровно четыре рода развитой письменности, вышедшей за границы слогового письма – предела доцивилизационного культурного развития⁶. Они таковы: (1) в БЗ – буквенное письмо на основе сильной и глубоко не очевидной, в т.ч. чувственно-акустически, абстракции отображения членораздельных звуков; (2) в АА – «консонантное» (в неадекватной европейской терминологии) письмо, в арабской традиции это *харфы*⁷ с принципиальным различием начертанного и неначертанного – оставленного читателю для оглашения при переводе письма в звучание; (3) в ЮА – строгая фонетическая (в тамильском – фонологическая) транскрипция звучащих и не членимых при говорении порций членораздельной речи (санскр. *акшара*). В лингвистике увы, прижились нелепая бирка «абугида» (из языка геэз) и неверная трактовка этой письменности как слоговой; (4) в ДВ – идеографическое письмо (в русском неточном обиходе «иероглифика», что собственно означает по-гречески вымершее древнеегипетское письмо). Эти типы исторически идеально соответствуют типам ЦСР, хотя ныне затемнены культурной агрессией БЗ (переход турок на латиницу, перевод вьетнамцев на нее же, перевод таджиков и монголов на русский алфавит и пр.).

2. Критерий опоры на ярусы языкового устройства

Ум в окружающем мире натывается на предметы внимания разной сложности и устройства. Иногда это (обобщенные) вещи: камень, вилка, мыс, семья, пьеса и пр. Иногда – ситуации/события: театральное представление пьесы, наступление войск, экономическая депрессия... Наконец, иногда это простые феномены; для нас, людей БЗ, это некоторые грани вещи или ситуации: такой-то оттенок цвета, усталость, подъем бровей как аспект мины и пр. При сложившемся уме выделение вниманием определено одного из трех этих уровней (пишу «уровней», ибо в исследовательской позиции и изнутри БЗ нам ясно, что вещи складываются из феноменов, а ситуации бывают с вещами), скорее всего, происходит машинально, по обстановке и задачам, без сознательного выбора. Облако для живописца – зрительный феномен, а для рыбака оно относится к *ситуации* клева.

Но в каждой ЦСР наблюдается тяготение к тому, чтобы больше фиксироваться на одном из этих структурных уровней. Обнаружить это можно исключительно при сравнении таких шаблонов в разных ЦСР, а изнутри любой из них это незаметно. И эти уровни предметности строго коррелируют с так называемыми ярусами конструкции языка-речи, а именно: (1) ситуации – с высказываниями, их описывающими: «В Александринке поставили пьесу Островского “Бесприданница”»; (2) обобщенные вещи – с именами

⁴ См. стихотворение Йозефа Кнехта “Buchstaben” в «Игре в бисер» Германа Гессе.

⁵ Примерно как не востребуемое большинством взрослых школьное умение доказывать геометрические теоремы обобщается как привычка к рассудочным операциям, но гораздо шире.

⁶ Примеры: слоговое письмо, созданное великими творцами культуры для своих народов. Секвойя даровал письменность индейцам чероки, а Нджоя – народу шумом в Камеруне.

⁷ Более подробно см.: *Смирнов А.В. Событие и вещи. М., 2017.*

существительными, возможно, с определением или приложением: Александринский театр; драматург Островский; пьеса; пьеса «Бесприданница»; (3) простые феномены (в русском и подобном ему языках) – со знаменательными морфемами: синь-, желт-, слышь-, мал- и пр.

Иллюстрирую это тяготение к ярусам типичными описаниями телесных упражнений, коль скоро шаблоны конкретной ЦСР всеобща (формальны), изнутри не осознаваемы, а такой материал нагляден. (1) В БЗ: «Атлет выполняет становую тягу штанги классическим хватом». Здесь предположены такие предметные вещи (понятийно оформленные в БЗ со времен Аристотеля как сущности, *οὐσία*. Сущность – то в мире, о чем употребляют обычное существительное) как тело атлета и штанга, а также «обобщенные вещи» – становая тяга и классический ее стиль. Они уже заранее были, а потому могут породить названную ситуацию. Для ЮА же или ДВ становая тяга или ее стиль заведомо не даны как рядоположные с живым телом спортсмена и его инвентарем. (2) В ДВ: «Старый тигр прыгает из засады»⁸. Описано некоторое возможное упражнение ушу. Китаец понимает и исполняет это движение, но опирается при этом на формальное моделирование *целой* ситуации, не членимой на сущности (вещи), их свойства и т.п. Мы можем многократно пронаблюдать движение, как-то уяснить себе его инвариант, но при этом не обнаружим там отдельно подобия ни тигру, ни его возрасту, ни засаде. (3) В ЮА хатхайог выполняет позу «кузнечика», или «черепахи», или «коровьей морды». Нет сущностей, нет и ситуации, но налицо феномен – видимое сходство *очертаний* тела с привычным *обликом* живого существа (но не с ним самим!) или части его тела. Этому соответствует своего рода допредметная морфема.

3. Различение языковых опор БЗ и АА

АА пока оставалась без пояснений. Она тоже прикреплена к ярусу слов, но совсем иначе, чем БЗ; опишем их различие, причину его и ближайшие последствия. Предметные имена в морфологически нетривиальных языках, а такковы и индоевропейские, и семитские, (а) что-то означают в мире (у Фреге это *Bedeutung*), и (б) осмыслены в силу своего поморфемного устройства (у Фреге – *Sinn*), т.е. в согласно составленности из семантических феноменов (в индоевропейских языках это морфемы). «Овощехранилище» или «рубанок» и значат нечто, и осмыслены, а вот «бревнохранилище» или «строганок» осмыслены, но беспредметны, со значением не соотнесены. В древнегреческом и латыни, классических языковых средах древнего варианта БЗ рациональности, морфологическая составленность лексемы часто затемнена флективностью. Это препятствие можно было бы устранить, будь в античности аналог мощной древнеиндийской лингвистики, в которой *строго все* лексемы санскрита выводятся из конструкций морфем и которая была фундаментальным предметом общего образования элиты. Но такового в античности вовсе не было, и отношение к языковым вещам осталось наивным, в лучшем случае стилистико-филологическим. Так что в БЗ умственное усилие понимающего речь привыкло сразу идти к предмету, о котором сказано данное слово, не задерживаясь на словесном устройстве. Предмет же категоризуется как сущность (лат. *substantia*, откуда выявленная А.В. Смирновым «субстанциальность» цивилизационно-специфичного ума БЗ). А семитский строй языка, напротив, выделяется почти полной

⁸ Придуманно автором для наглядности, как и с атлетом выше.

морфологической прозрачностью (за вычетом разве что т.н. «пустых» и «недостаточных» корней), так что ум араба при восприятии родной речи (и письменной тоже) делает краткую остановку на устройстве слова и, соответственно, на смысле. Но огромное большинство даже предметных слов в арабском морфологически связано с действиями и процессами (о непредметных и говорить нечего: *все связаны!*), и отсюда черта АА рациональности, подробно изученная А.В. Смирновым, – процессуальность.

Далее, понимание речи и субстанциальная фиксация ума приводит в классике БЗ к абстракции, именуемой «язык» – к уходу от речевой действительности в идеальное пространство. Отсюда «треугольник Фреге»: слово (или именная группа: «старая засохшая ель») – смысл (Sinn) – значение (Bedeutung, т.е. предмет в мире). Он будто бы дает полную картину. Не замечается или не важна ситуация *речи*, в которой всегда кто-то обращается к кому-то. Допустимо это в БЗ потому, что преимущественное, чтобы не сказать исключительное, внимание в *самосознании* БЗ уделяется познанию и спокойному общению по его поводу, т.е. обмену мнениями о познаваемых предметах, и в этой ситуации очевидно безразлично, чьи мнения, важны лишь их содержания. Но ведь в действительности люди словами очень часто приказывают, возбуждают друг в друге разные страсти и прочими способами воздействуют речами друг на друга. Итак, для полноты понятийного схватывания кванта речевой действительности тройка должна быть дополнена до пятерки: «что говорится (речевое выражение) – про что (предмет) – в каком аспекте (смысл) – говорящий (кто, первое лицо) – адресат (кому, второе лицо)». Однако эта конструкция существенно нелинейна, ибо строится из пары пар с пятым связующим пары компонентом, что на выбор будет либо речевым выражением, либо чем-то (обобщенной вещью, ситуацией, феноменом) в мире. До современности не имелось рациональных средств работы с нелинейными конструкциями, в силу чего при выделении (все равно, почему оно произошло) одной пары и третьего члена вторая пара оставалась в тени и была полузаметна. В БЗ это дало треугольник Фреге. В АА же главной оказалась тройка с другой парой: говорящий – речевое выражение – адресат. В силу этого предикация в БЗ коррелирует с двумя вершинами треугольника: субъект – со значением, а предикат – со смыслом, в АА же обще-семиотическая действительность предикации понятийно схвачена тем же терминологическим гнездом, что и отношение говорящего к адресату, например, в ссылках на первого сказавшего и цепочку передатчиков: «опора» (предикативность), «опираемое» (сказуемое), «то, на что опирается опираемое» (подлежащее; ср. в БЗ: подлежащее – это то, о чем сказуемое). При этом говорящий иерархически всегда выше адресата: речь фундаментально всегда остается повелением *внимать, слушать*; и есть немало ситуаций, в которых многим участникам разрешено только слушать и запрещено говорить. Также, разумеется, при нахождении в фокусе внимания участников речевого акта естественна деятельностная, процессуальная трактовка предикации.

Предельные онтологические переходы в каждой ЦСР

Онтологизация фундаментальных и формальных черт языкового устройства и способов его понимания в культуре – чрезвычайно естественный, сам собой напрашивающийся переход от речи к действительности и(ли)

реальности. В БЗ, строящемся на интуиции сущностей-субстанций как внеязыковых коррелятов имен существительных, Порфирием было предложено т.н. «древо» классификации сущностей, опирающееся исключительно на принцип дихотомии, поскольку разбиение, выходящее за пределы дихотомии, невозможно согласовать с дихотомией подлежащее-сказуемое в его субстанциалистской трактовке. Оно также коррелирует с гилеморфической лестницей по Аристотелю, а на вершине (содержательно говоря, в корне) одной называется *quintessentia*, форма форм, мышление, мыслящее само себя, т.е. западный философский Бог. На другом конце – неопределенное разнообразие и иррациональная (неисчислимая) множественность материального. Таки образом Бог или в неоплатоническом варианте Единое необходимо для замыкания данной смысловой конструкции. В АА на основе предельного перехода вверх по лестнице говорящих и внимающих получаем семитского единого Бога, абсолютно авторитетно и безапелляционно вещающего; например, это библейский персонаж в знаменитой книге пророка Исайи, который уклончиво отвечает на вопрос «Кто ты?» словами «А кто я есть, тот я и есть», давая понять человеческому собеседнику, что тому не по чину задавать вопросы и говорить. Его дело почтительно и благоговейно внимать. Таков же в исламском варианте Аллах, источник Корана. Стало быть, считать Иегову или Аллаха «религиозными (мифологическими) образами или фигурами» – яркое межцивилизационное недоразумение. Они не персонажи «религии», а результат необходимого предельного перехода в АА конструкции рациональности. В ДВ возможности построить классификацию сущностей или даже понятие сущности не дал лишенный морфологии древнекитайский язык, в котором все простые лексемы односложны, все слоги структурно-фонетически исчислены, и их не более нескольких тысяч. С таким скудным набором построить мощную рациональность было бы невозможно. В частности, поэтому опорным ярусом в ДА оказались высказывания с их коррелятами в мире – ситуациями. Самый фундаментальный текст рациональности ДВ, «И-цзин» представляет собой формальную классификацию ситуаций возможного принятия решения, что делать или не делать, и опирается на интуицию типа теории игр, опрокинутую туда, где на Западе – «онтология» (учение о типических необходимых сущих). В нем уже полностью сняты все материальные характеристики ситуации, т.е. устранены отсылки к участникам, их свойствам и т.п. На следующем шаге обобщения возникает последний предельный китайский вопрос: чем объясняется или что такое смена одной формальной ситуации другою? Ответ таков: это *дао* как не-ситуация (тем паче и подавно не «сущность») смены ситуаций. Понятно, что дальнейшее вопрошание, по сути, неуместно и предвосхищается либо парируется семантическим пределом индифференции апофатики и тавтологии точно так же, как на Западе («Что думает Бог как мышление?» – «Свое думание думает мышление!») и в АА («Аллах – абсолютное действие и его причина абсолютная воля. Почему он так волит? Потому что он так волит волить!»). При ранних попытках внедрить католичество в Китае иезуиты пробовали переводить «Бога» (китайцы никак не могли взять в толк, что это такое, как их современников европейцев *дао* вводило в умственный ступор) как «дао», что одновременно и беспредельно нелепо, и указывает на смутное предпонимание миссионерами равной предельности как Бога, так и дао. В ЮА предельный переход приводит к абсолютному феномену в двух вариантах исполнения. В индуистском мышлении – атман; как слово, это

существительное со значением возвратного местоимения, т.е. «сам, себя». Неуместный вопрос будет звучать так: «Кто “сам”? Ты “сам”» или я “сам”?» Правильный ответ: «Ни ты, ни я, а Сам сам». В буддийском варианте это дхарма как то, что «имеет само себя, значит само себя, имеет свою природу». Неуместный вопрос: «Что у нее за природа?» Ответ: «Своя природа!».

Заключение

Описанные языковые и речевые обусловленности типов ЦСР весьма важны и даже центральны для понимания их устройства, но не они описывают их генезис и не они дадут априорное доказательство того, что типов только и ровно четыре и что они таковы. Такое доказательство проводится на основании формально-антропологической теории деятельности и требует отдельного текста.

Список литературы

Смирнов А.В. Событие и вещи. М.: Садра: Издательский Дом ЯСК. 2017. 232 с.

Super-concise theses on the linguistic aspects of the theory of civilization-specific rationality*

Andrei V. Paribok

RUDN University. 6 Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117196, Russian Federation; e-mail: watanparast@mail.ru

The article describes the linguistic conditionalities and correlations of four civilization-specific types of rationality: (1) The Great West (BZ), the heir of the ancient civilization. (2) The Afro-Asian (AA) civilization, in its current state represented by the populous Arab-Islamic world and a more ancient version of the Jewish culture. (3) The South Asian (SA) civilization, which is originated in the central part of the northern India, which defined the cultures of Indochina (except Vietnam) and earlier Indonesia. (4) The Far Eastern (DV) civilization formed in China, which spread to its neighboring countries. The author explores the correlations with the types of a developed writing based on the tiers of the linguistic structure of each of the civilizations, as well as the results of the ultimate semantic-ontological transition. The only related theory belongs to Andrei Smirnov and is called the Logic-of-sense theory. Some of its results have found their application in the thoughts expressed in this paper.

Keywords: Smirnov's logical-semantic theory, Sanskrit, the theory of civilization-specific rationality of Paribas, writing, language tiers, ontology

* The article has been prepared within the framework of the Agreement between the Ministry of Science and High Education of the Russian Federation and the RUDN University No. 075-15-2021-603: "Development of the new methodology and intellectual base for the new-generation research of Indian philosophy in correlation with the main World Philosophical Traditions". This paper has been supported by the RUDN University Strategic Academic Leadership Program.

For citation: Paribok, A.V. “Sverhkratkie tezisy o yazykovykh aspektah teorii zivilizatsionno-spezificheskoi razionalnosti” [Super-concise theses on the linguistic aspects of the theory of civilization-specific rationality], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2023, Vol. 16, No. 2, pp. 54–61. (In Russian)

References

Smirnov, A.V. *Sobitiye i veshi* [Event and things]. Moscow: Sadra; LSC Publ., 2017. 232 pp. (In Russian)